

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДЧИКА

Дубровская Л.Д.

Г.И. Челпанов «Психология или рефлексология?»

Введение:

Георгий Иванович Челпанов (1862-1936) прежде всего известен как выдающийся эмпирический психолог и основатель Психологического института им. Л.Г. Щукиной (ныне Психологический институт РАО)/ по словам Е.Е. Соколовой «1-го в России ин-та экспериментальной психологии при Московском ун-те», организатор психологической науки и образования в России.

Историками психологии отмечается, что именно Г.И. Челпанову удалось создать первую научную школу отечественной психологи. Г.И. Челпанов – философ, психолог и педагог, преподававший на историко-филологическом факультете Московского университета, был «учителем» для многих известных отечественных психологов, которые внесли значительный вклад в развитие психологического знания в России. Традиционно в плеяду его выдающихся учеников включают П.П. Блонского, Н.А. Рыбникова, К.Н. Корнилова, Г.Г. Шпета и т.д.

Работа Г.И. Челпанова «Психология или рефлексология?» была опубликована в 1926 году, однако по содержанию она представляет собой сборник статей разных лет. Так, первая часть представляет собой доклад, прочитанный Георгием Ивановичем в 1923 году. Мы не спроста начали обсуждение этой работы обратившись к уточнению тех годов, когда она была написана, так как исторический контекст играет существенную роль в ее понимании.

Кратко охарактеризуем исторический контекст того времени. «Так в 20-х гг. началась перестройка психологии на основах марксизма» - отмечает Полина Осиповна Эфрусси, автор известного отчета о Первом психоневрологическом съезде (П.О. Эфрусси «Успехи психологии в России. Итоги съезда по психоневрологии в Москве 10-15 января 1923 г.»).

И если Н. Н. Ланге сравнивал психологию начала века с Приамом, сидящем на развалинах Трои, то в 20-е годы, «российский Приам совершенно неожиданно для себя оказался то ли на шумном базаре, то ли в гуще рукопашной схватки, то ли в массе строителей, каждый из которых на свой страх и риск пытается заново отстроить Трою. Коротко 1920-е гг. можно определить как время дискуссий» [Богданчиков. Открывая Челпанова, с.103].

С.А. Богданчиков приводит весьма остроумную характеристику противоречий, существующих на тот момент в психологии, которую дал Юлий Вениаминович Португалов в 1925 году. Он писал, что несмотря на «общее стремление» В.М. Бехтерева, К.Н. Корнилова и И.П. Павлова «отойти от эмпирической психологии, взаимные научные их отношения в действительности во многом серьезном весьма различны»: «средний провинциальный педагог или врач может растеряться при тех противоречиях, какие проистекают из учений названных авторов, ибо предстоит нелегкая задача выбора: упразднить совсем психологию – Корнилов не позволяет, признать ее – Павлов не позволяет; признать материализм – Бехтерев не позволяет; признать энергетизм – Корнилов не позволяет; допустить пространственность психизма – Павлов не позволяет;

допустить непространственность психизма – Корнилов и Бехтерев не позволяют и т.д.» [Богданчиков. Открывая Челпанова, с.104].

«В историческом и содержательном плане дискуссия о марксизме и марксистской психологии в 1920-е гг. была, несомненно, продолжением дискуссионного обсуждения тех проблем, которые обсуждались в русской психологии в начале века, в дореволюционные годы – о статусе экспериментальной психологии, соотношении педагогики и психологии, субъективной и объективной психологии и т.д. Но под воздействием марксизма (как ключевой, «сквозной» проблемы и темы) и всей идеологической обстановки в стране собственно психологическая, «внутренняя» дискуссия приобрела весьма своеобразные черты, тенденции и интонации. [Богданчиков. Открывая Челпанова, с.104].

«Фундамент всей дискуссии в отечественной психологии 1920-х гг. образует начавшаяся еще до революции дискуссия между В. М. Бехтеревым и Г. И. Челпановым, являющаяся, в свою очередь, отражением в русской психологии процессов и тенденций, имевшихся в то время в мировой психологии, таких как возникновение бихевиоризма и психоанализа, формирование общей, экспериментальной и прикладной сфер психологии в их взаимосвязи и противоречивости, общий методологический кризис, изменение отношений с философией и другими науками и т.д. и т.п.» [Богданчиков. Открывая Челпанова, с.104].

Таким образом, работа, которой будет посвящена сегодняшняя дискуссия, носит полемичный характер, что для нас, несомненно, является плюсом и возможностью приобщиться к традиции научной дискуссии, анализируя конкретный исторический пример.

В предисловии к работе Г.И. Челпанов пишет:

«...я счел нужным изложить весь спор, как он велся (с конца 1922 года до конца 1924 года), чтобы читатель ясно мог усмотреть, какие выводы вытекают из наивного материализма, и какие выводы применительно к психологии можно сделать из спинозистического материализма.

Если читатель пожелает проследить весь этот спор, то для него сделается ясным, что, покидая почву вульгарного материализма, К.Н. Корнилов и психологи, к нему примыкающие, вместе с этим отказываются от «рефлексологии» и от «реактологии», этих эфемерных научных дисциплин, претендующих на то, чтобы заменить собою психологию».

Предисловие к работе написано в **январе 1925 года**.

Работа включает:

1) Предпосылки современной эмпирической психологии (доклад, читанный на первом Психоневрологическом съезде в Москве в январе 1923 года).

2) Положение вопроса об отношении научной психологии к философии марксизма.

3) О монизме в учении Фейербаха и Маркса.

4) Рефлексология и спинозизм.

5) Место психологии в ряду биологических наук.

1. Предпосылки современной эмпирической психологии (доклад, читанный на первом Психоневрологическом съезде в Москве в январе 1923 года).

Задача: «показать, что в современной русской психологии не все обстоит благополучно. Основные понятия ее нуждаются в тщательном пересмотре. Если это не будет сделано своевременно, то научная психология может легко зайти в тупик. Отсюда ясно, что именно методологические проблемы суть очередные проблемы современной психологии».

Тезис 1: *Психология имеет то общее с естественными науками, что ее предмет – психические переживания – обладают такой же реальностью, как предметы и явления мира физического* [Челпанов, с.6].

Когда Ася Казанцева заявляет, что мозг материален, это не вызывает сомнений и не звучит как шок-контент: сомнений и не было. Однако в отношении сознания все не так просто.

Здесь мне вспоминается пример, приводимый А.Адлером в отношении фиктивных целей: «Ядовитая змея подползает к моей ноге или я только думаю, что она ядовитая- эффект будет один и тот же». Георгий Иванович предлагает нам рассматривать реальность как то, что оказывает воздействие на наше сознание. А потому радость, мечты, страдания в его понимании так же реальны как стол, стул и Василий Никифорович. И когда мне говорят, что психическая реальность – это нечто абстрактное и непонятное, что ее нельзя рассматривать в качестве объекта исследования и этой «якобы абстракции» противопоставляют лягушку, я протестую.

«Итак, предмет психологии – душевные переживания или явления сознания, и эти переживания реальность бесспорная и очевидная, такая же, как и реальность вещей внешнего мира» [Челпанов, с.7].

По мнению Г.И. Челпанова достоверность показаний самонаблюдения и внутреннего опыта не подлежит сомнению, по крайней мере, в том плане, что у нас присутствуют те или иные переживания.

Тезис 2: *Психология есть наука эмпирическая, ее область нужно строго ограничивать от области философии. Признак философских построений – стремление свести одну непосредственно данную основную реальность к другой, а также стремление отыскать абсолютно данные реальности* [Челпанов, с.8].

О разнице между философией и психологией:

1. Психология - об опыте, философия – об абсолютных данностях, о неопытном;
2. Философия стремится все свести под одну непосредственно данную основную реальность.

Тут мы можем вспомнить про основные философские установки: об эмпирическом параллелизме, идеализме, материализме, учении об абсолютной трансцендентной реальности.

Эмпирический параллелизм, по мнению Г.И. Челпанова, представляет собой «чисто научную гипотезу», а не философское размышление. Это некая рабочая гипотеза, которая должна быть положена в основу эмпирической или научной психологии. Эмпирический параллелизм признает только психическое и физическое, не признает ничего трансцендентного. Согласно ему, если есть связь между явлениями физического мира, то есть и соответствующая связь в сознании (этой же т.зр. придерживались В.Вундт и К.Г. Штумпф).

«Скрытая философия» и «скрытые метафизики» по мнению Челпанова прикрываются так называемым «объективным методом». Потому что его сторонники стремятся отбросить психическое, а то и вовсе отрицать реальность сознания и даже вообще психического. И хотят все свести к единому – физическому.

Тезис 3: *Психология может, а по мнению некоторых должна иметь философскую надстройку, а также философскую, физиологическую, биологическую и т.п. подстройку, но сама по себе психология не есть ни философия, ни биология, а есть самостоятельная наука, подобная физике, химии и т.д.»* [Челпанов, с. 10]

Этот вопрос в разных странах решен по разному. В Германии психология примыкает к философии, в Америке в ряду случаев – к философии, в ряду – к биологии. Самым трудным, полагает Челпанов, является связь психологии с философией, различие между ними необходимо понимать хотя бы для того, чтобы отличать, где кончается философия и начинается психология. **Психологу нужно научиться отличать философские понятия от психологических.** Вместе с тем философия имеет для психологии достаточно широкое значение. Так, психологу необходимо знать понятия «**субстанции**», «**причинности**». Философское изучение этих понятий Георгий Иванович называет «подстройкой».

✓ Понятие «душа» может быть эмпирическим лишь в том случае, если под нею понимается только совокупность душевных явлений, связанных определенным образом в одно целое.

Челпанов пишет: **«Отношение психологии и философии я мог бы так сформулировать: психолог должен быть философски образованным, но вносить в эмпирическую психологию философские элементы не должен».**

Тезис 4: *в современной мировой науке отмечается неуклонная тенденция сделать из психологии чисто эмпирическую науку, свободную от какой бы то ни было философии* [Челпанов, с.12].

Челпанов отмечает тенденцию среди психологов отделять психологию от философии. Так, он отмечает Вундта, Кюльпе, Джемса...

В частности, Джемс – метафизик, и как философ он полагает, что в мире есть мировая душа. Однако, когда он начинает работать как психолог, то никакая субстанция души ему не нужна. «В психологии душа понимается как функция мозга, Психолог изучает душевные состояния. Метафизика или теология могут доказывать существование души, но для психологии, как науки, существование души совершенно излишне. Даже больше, в настоящее время психология находится на материалистическом пути» [Челпанов, с.14].

В России подобной точки зрения придерживается А.И. Введенский, автор книги «Психология без всякой метафизики».

Свою позицию Г.И. Челпанов формулирует следующим образом:

«В 1989 году я имел случай высказаться, что, кто не желает заниматься философией, а хочет заниматься научной психологией, тот должен стать на точку зрения эмпирического параллелизма. Мой «Учебник психологии» есть учебник эмпирической психологии. В нем нет ни идеализма, ни спиритуализма и т.п., потому что все это было устранено, как философские понятия.

Необходимость связи между психологией и философией я всегда понимал таким образом, что философия служит источником предпосылок для психологии или служит надстройкой над психологией, сама же психология остается чисто эмпирической наукой. Если я употреблял в психологии термин «душа», то всегда в смысле эмпирического субъекта, а не трансцендентного» [Челпанов, с.15].

Тезис 5: *стремление ввести в психологию философские элементы как это делают некоторые новейшие психологи, противоречит понятию научной психологии* [Челпанов, с.15].

Размышляя над данным тезисом Г.И. Челпанов полагает, что «решительно необходимо пересмотреть понятия объективного метода, рефлексологии при свете именно философских понятий. В самом деле, понятие рефлексологии предполагает, что, вместо психологических процессов, изучаемых при помощи внутреннего опыта, нужно изучать только объективные явления, имеющие место при тех или иных душевных переживаниях. Это можно утверждать только в том случае, если исходить из предположения, что душевные явления сводимы к физиологическим явлениям. Но вопрос о сводимости душевных явлений к материальным есть вопрос философский, и при тщательном его рассмотрении он должен быть решен отрицательно. Мне кажется, что совершенно был прав Плеханов, когда говорил: «Никто из материалистов, оставивших заметный след в истории философской мысли, не сводил сознание к движению и не объяснял одно другим» [Челпанов, с.16].

В связи с вышесказанным Челпанов полагает, что философское рассмотрение понятия «рефлексология» приведет к его замене на понятие на «психорефлексология».

Также прямым последствием этого «было бы точное отграничение пределов приложимости объективного метода, а это в свою очередь привело бы к ясному сознанию, что в методологическом отношении внутренний опыт должен быть признан источником научного познания, равноправным внешнему опыту, а такое положение есть необходимая предпосылка научно-эмпирической психологии».

Так, ошибочным является мнение о том, что психология как наука о поведении является совершенно объективной наукой и отказалась от изучения сознания. В качестве подтверждения этой точки зрения Челпанов приводит работу американского психолога Пильсбери «Очерк психологии», 1911. Пильсбери пишет: «поведение должно быть изучаемо через посредство сознания индивидуума и посредством внешнего наблюдения. Сознание и поведение тесно связаны друг с другом. Сознание в других познается только через посредство поведения, поведение в нас самих и в конечном счете в других познается только через посредство сознания» [Цит. по Челпанов, с.17]

Тезис 6: *научная разработка эмпирической психологии имеет огромное культурное значение, потому что именно на ней базируются все виды прикладной психологии и все новые отрасли психотехники* [Челпанов, с.17].

Челпанов (как и Выготский в 1927) полагает, что «именно методологические проблемы суть очередные проблемы современной психологии» [Челпанов, с.18].

2. Положение вопроса об отношении научной психологии к философии марксизма.

«Руководители марксистского направления в психологии или, как они сами себя называли, «представители левого фронта в психологии», профессора: Корнилов, Залкинд, Тутышкин и др., неправильным решением вопроса создали такой хаос в понимании методов психологического изучения, что можно прямо сказать, что **развитие научной психологии в России остановилось**. Интроспективную психологию предположено совсем упразднить. Ее место должна была заступить какая-то **рефлексология, которая никогда не существовала и существовать не может**» [Челпанов, с.19].

«Основная ошибка всех их попыток решения интересующей нас проблемы заключалась в том, что они становились на точку «марксизма без Маркса»»[Челпанов, с.19].

Новоявленные материалисты Корнилов и Блонский в установлении понятия марксистской психологии придерживались метода: отнюдь не справляться с тем, что имеется в сочинениях Маркса о психологии, а измышлять собственный материализм.

П.П. Блонский	А) Продвигая марксизм в психологии опирался на Бехтерева, а не на Маркса. Б) Присоединился к объективному методу американского бихевиоризма. В) отрицает интроспективный метод, считает его «религиозным предрассудком». В результате: «получилась «психология без сознания», признание «протяженности» психических явлений, отрицание внутреннего опыта, допущение, что сознание есть не что иное, как совокупность условных рефлексов»» [Челпанов, с.19].
К.Н. Корнилов	А) измышлял собственный материализм, предлагая под видом материализма Маркса материализм Бюхнера. Б) сознание – вид физической энергии. Явления сознания протяженны, откуда следует, что психология часть физики. В) категорически против метода интроспекции, используя вместо понятия интроспекция «метод словесного отчета». Челпанов видит противоречие в рассуждениях Корнилова: «Но как следует понимать Корниловскую «реактологию»? Если, по Корнилову, реакция то же самое, что рефлекс, т.е. чисто механический акт, то в реактологии не имеется никакой надобности (Л.Д. т.к. уже имеется рефлексология Бехтерева). Если же реакция есть процесс психофизический, т.е. акт сознательный (а Корнилов исследовал только такие реакции), то совершенно непонятно, почему Корнилов остается в группе объективистов-рефлексологов» [Челпанов, с.23]. Тут же Челпанов отмечает, что когда он подчеркивал, что исходным пунктом психологического изучения, считает «реакцию», то «делал это для того, чтобы доказать

	спонтанность психофизического организма, активность сознания» [Челпанов, с.23].
А.Б. Залкинд:	А) представляет собой неестественное соединение «психоаналитика» с «рефлексологом». Б) по его словам,: «учение о рефлексх отвергает в основе самонаблюдение и настаивает на объективном подходе к психическому процессу. Учение о рефлексх само по себе глубоко материалистично».
И.Н. Шпильрейн:	позиционирует себя марксистом, однако в тоже время является последователем Уильяма Штерна, заявляя, что «телеологическое понимание психофизических явлений, переносящее биологические методы в психологию, сближает Штерна с Бергсоном и неовиталистами».
Э.Енчмен.	А) «слова «знание», «познание» обозначают собой только физиологические реакции без всякого участия психики, т.е. без всякого участия не пространственных явлений». Б) «нашей собственной формулой может быть только: «сначала материальное и никогда духовное»».
А. Лурия	А) признает недостаточность «старой экспериментальной мозаичной психологии», думает заменить ее психоанализом, дополненным рефлексологией и реактологией. Б) всю реформу психологии в духе марксизма видит в том, чтобы вместо слова «психология» употреблять слово «рефлексология». «Цельную человеческую личность он надеется изучить при помощи слюнных рефлексов у собак по методу Павлова» [Челпанов, с.25].

Наиболее удачной попыткой решения проблемы интеграции марксизма в психологию Челпанов считает работу Струминского «Психология. Опыт систематического изложения основных вопросов научной психологии с точки зрения диалектического материализма», 1923. Однако и эта «наиболее добросовестная попытка» имеет ряд недостатков:

- 1) Автор совершенно правильно указывает на социальный момент, как характерную особенность марксистской психологии, однако не разъясняет, чем отличается марксистская социальная психология от прежней социальной психологии.
- 2) Автор выдвигает как недостаток современной научной психологии, то, что она изучает по преимуществу статические моменты и игнорирует динамическую сторону. Однако автор не учитывает функциональную психологию.

3) Автор недостаточно осведомлен, в каком смысле в современной психологии употребляют понятие субъективного метода. Этот метод столько же субъективен, сколько и объективен. Однако нет ничего принципиально нового, вызывающего необходимость объективной психологии.

4) При решении психофизической проблемы автор признает просто тождество психического и физического. Это – упрощенное решение механического материализма, которое никого удовлетворить не может и бесспорно противоречит марксизму.

Обзор взглядов психологов левого фронта показывает, что при крайней сумбурности и несогласованности их взглядов пробивается одна основная тенденция: отрицание реальности сознания и психического и вытекающее отсюда отрицание субъективного метода в психологии и требование объективного метода.

- Проблема в том, что публика и ряд психологов обвиняют идеализм не в простом признании реальности сознания, а в признании трансцендентного, сверхчувственного.

Вульгарный, или механистический, атомистический, материализм полагает, что существуют только материальные явления; явления сознания имеют исключительно материальный характер. Психическое вполне тождественно с физическим. Внутреннего опыта или самосознания не существует вовсе.

По материализму Маркса, поскольку речь идет об отношении между духовными и телесными явлениями, нельзя допустить существования души отдельно от материи, нельзя допустить явлений сознания, совершающихся без материальных явлений. Душевные явления находятся в функциональной зависимости от телесных явлений.

Данная статья, как пишет Челпанов, посвящена объяснению различий между тем материализмом, который лежит в основе философии марксизма, и тем материализмом, который носит название вульгарного материализма.

Материализм Маркса происходит от философии Фейербаха, а психофизический параллелизм от Фехнера. Фехнер и Фейербах ведут свое происхождение от философии Спинозы. Таким образом, Челпанов доказывает, что основная предпосылка современной психологии находится в согласии с основными положениями философии марксизма. К предпосылкам, необходимым для построения психологии Челпанов относит то, что:

- 1) Сознание реально.
- 2) Психические процессы не протяженны, в то время как все материальное протяженно.
- 3) Психические процессы непосредственно познаются только из внутреннего опыта.
- 4) Психические процессы не сводятся к процессам материальным.

И тут Челпанов отмечает, что «если признание обусловленности сознания материальными явлениями обозначать термином «материализм», как это всегда делали Маркс и марксисты, то и эмпирический параллелизм есть учение материалистическое, и современная эмпирическая психология материалистична, а отнюдь не идеалистична, и **современная эмпирическая психология не имеет дела с душой, существующей отдельно от тела, и с сознанием, независимым от телесных процессов**» [Челпанов, с.30].

Однако

Основные возражения марксистов видятся Челпанову следующим образом:

«Зная Вас, как идеалиста-философа, мы не понимаем» как Вы можете солидаризоваться с материалистом Марксом. Очевидно, Вы хотите сдать все ваши прежние позиции и приобрести видимость, что Вы марксист. Вы рядитесь в костюм марксиста, не будучи таковым. Зная ваше философское прошлое, мы не допускаем, чтоб Вы были искренни. Ведь нельзя же допустить, чтобы идеалист превратился в материалиста без отказа от своих прежних воззрений».

На что Челпанов отвечает:

«Я не сдавал никаких позиций. Я был идеалистом в философии и остаюсь таковым и в настоящее время. Но своего философского идеализма я в настоящее время не выявляю. Не выявляю его и в психологии. Психология есть наука эмпирическая, и если бы я даже захотел быть идеалистом в психологии, то не мог бы быть им потому, что **идеализм имеет дело с трансцендентным, со сверхчувственным, а эмпирическая психология по самому существу своему не допускает ничего сверхчувственного, а следовательно, и идеализма**».

Далее Челпанов полагает, что если бы он позиционировал себя марксистом, на основании того, что современная психология находится в согласии с идеологией марксизма то допустил бы ошибку «нераспределенного среднего термина». И на самом деле назваться марксистом Челпанов мог бы лишь в том случае, если бы его взгляды совпадали во всех частях мировоззрения Маркса.

3. О монизме в учении Фейербаха и Маркса.

Материализм Маркса - был гуманистический, заимствованный им, очевидно, у Фейербаха.

Фейербах свое учение называет гуманизмом или антропологизмом. «Фейербах так же отвергал вульгарный материализм, как и спиритуализм. И тот и другой ищут какой-то реальности, выходящей за пределы чувственно данного» [Челпанов, с.32].

Фейербах: «Истина заключается ни в материализме, ни в идеализме; ни в физиологии, ни в психологии; истина заключается в антропологии; истина есть только точка зрения чувственности и созерцания, ибо только эта точка зрения дает мне цельность и индивидуальность. Мыслит и ощущает не душа, ибо душа есть нечто персонифицированное и гипостазированное, функция или проявление мысли, ощущения и воли, превращенная в сущность; мыслит и ощущает не мозг, потому что мозг есть физиологическая абстракция; это есть орган. Оторванный от

целого, от черепа, от лица, от тела вообще. Мозг же постольку является органом мысли, поскольку он является связанным с человеческой головой и телом. Внешнее предполагает внутреннее, но только в своем обнаружении осуществляется внешнее. Сущность жизни есть обнаружение жизни. Обнаружение жизни мозга есть мозг» [Челпанов, с.33].

Фейербах: «Душа не имеет ни фигуры, ни формы. Однако, душа человека имеет фигуру или форму человека; душа кошки имеет фигуру кошки. Точно таким же образом душа видима, осязаема; видимая душа и есть именно тело. Различие между душой и телом заключается в том, что душа видима и осязаема только для себя, а тело видимо и осязаемо для другого» [Челпанов, с.33].

Челпанов: *«Мне кажется, что в философии Маркс был монист, при построении же психологии, согласующейся с идеологией марксизма нет никаких оснований стремиться к какому бы то ни было философскому монизму, а достаточно оставаться на почве эмпирического дуализма»*

4. Рефлексология и спинозизм.

В этой статье Челпанов говорит о книге Юрия Владимировича Франкфурта «Рефлексология и марксизм», 1924.

Челпанов иронизирует, что первая задача решена рефлексологами верно: «Книга эта представляет для психологии интерес в том отношении, что в ней московские рефлексологи впервые точно обозначили, какой материализм они кладут в основу своих построений. Оказывается, что это есть именно спинозистический фейербаховский материализм. Это заявление нужно приветствовать, так как оно вносит ясность в позицию московских рефлексологов, которая до сих пор у них отсутствовала» [Челпанов, с.35].

Но есть и еще одна: определить в чем заключается сущность спинозизма, сделать из него выводы, которые могли бы служить предпосылками психологии. С этой задачей, по мнению Челпанова, московские рефлексологи не справляются и ошибочно советуют Бехтереву совершенно отказаться от субъективного метода: «Но Бехтерев, если пожелает остаться при тех принципах философии, на которых базировался до сих пор, и если он считает последовательность мышления обязательной для себя, как ученого, никоим образом не может воспользоваться советом Франкфурта, ибо из известных принципов можно делать только очень определенные выводы. Из философских основоположений Бехтереву никоим образом нельзя придти к совершенному отрицанию субъективного метода» [Челпанов, с.36].

Дале, для того чтобы внести ясность, Челпанов приводит различия между бюхнеровским материализмом и спинозо-фейербаховским материализмом.

«Существенное различие между ними заключается в том, что бюхнеровский материализм признает реальность только материального, отрицает реальность психического, а спинозо-фейербаховский материализм признает одинаковую реальность как материального, так и психического» [Челпанов, с.36].

Например, как пишет Енчмен, обсуждая формулу «сначала материальное, а потом духовное»: «нашей собственной формулой может быть только: «сначала материальное и никогда духовное»» [Челпанов, с.25].

«Что касается Бехтерева, то он является решительным противником материализма бюхнеровского типа и является сторонником спинозизма. Хотя в различных местах он обнаруживает колебания, иногда делает неправильные выводы, иногда тяготеет к бюхнеровскому материализму, но по существу своего философского мировоззрения он спинозист, психофизический параллелист, психофизический монист. Если он отрицает субъективный метод, то только потому, что делает ошибочные выводы из своего учения, а Франкфурт рекомендует ему усугубить свою ошибку и из спинозиста сделаться бюхнерианцем, другими словами, наиболее совершенный вид материализма променять на материализм всеми отвергнутый» [Челпанов, с.37].

«Рассматривая сущность спинозизма и фейербахианства».

«По спинозизму, есть некоторая реальность X, которая может быть нами познаваема двояким способом: при помощи чувственного познания – тогда оно будет материальным, и при помощи внутреннего опыта, - тогда оно будет психическим. Эти два вида познания будут познанием двух совершенно различных явлений. Первый – это будет мир пространственный. Для этого мира действителен закон сохранения энергии. Второй – это мир непространственный. К нему совершенно не применим закон сохранения энергии. Оба эти ряда явлений представляют собой замкнутые круги явлений. Ни психические явления не вмешиваются в материальные, ни материальные явления не вмешиваются в психические. Они совершаются одновременно и протекают параллельно друг с другом, отчего и само учение носит название параллелизма. Та реальность, которую мы обозначаем X, двухсторонняя. Она может быть познаваема двояким способом, при чем оба ряда явлений одинаково реальны. Хотя мы и утверждаем, что они суть стороны одной и той же реальности, однако, они для нашего познания совершенно различны. Познание психического ряда явлений совершается одним способом, «изнутри», при помощи внутреннего опыта, познание физического ряда совершается совсем иным способом, именно «извне», внешним опытом» [Челпанов, с.39].

Рассматривая подход Спинозы таким образом Г.И. Челпанов формулирует на его основе 4 следующих положения, которые, на его взгляд, могут служить предпосылками психологии:

- 1) явления психические так же реальны, как и явления материальные.
- 2) явления психические непространственны, в то время как явления материальные пространственны.
- 3) явления материальные познаются нами из внешнего опыта, в то время как явления психические познаются из внутреннего опыта.
- 4) явления психические находятся в функциональной зависимости от явлений материальных.

«...Никак нельзя признавать правильность утверждения рефлексологии, что объективным познанием физиологических выражений можно построить психологию» [Челпанов, с.40].

«Психологию можно построить только при помощи интроспективного метода, и потому с точки зрения спинозизма никакой объективной психологии существовать не может» [Челпанов, с.40].

Корнилов: «Психология есть не больше, как часть физики, ибо то, что мы именуем психическими процессами, с моей точки зрения, есть не больше, как особый вид физической энергии», «психические процессы суть, несомненно, явления пространственного порядка».

Корнилов полагает, что он прямо измеряет психические процессы. Между тем Леман утверждает: «Психическое явление не может быть прямо измеряемо. То, что может быть измеряемо, и то, что было измерено, это суть величины раздражений или явления, «сопровождающие психические состояния»».

По мнению Г.И. Челпанова, взгляды Лемана должны быть особенно поучительны для русских рефлексологов, потому что он: 1) спинозист; 2) сторонник энергетического понимания душевных явлений, подобно Бехтереву и Корнилову.

Н.И. Бухарин «Об историческом материализме»:

- 1) Сознание так же реально, как и материя.
- 2) Явления сознания непротяженны, в то время как материальные явления протяженны.
- 3) Явления сознания познаются из внутреннего опыта.

5. Место психологии в ряду биологических наук (психология и физиология)

В этой статье Г.И. Челпанов рассуждает о месте психологии среди университетских наук. Сетую на то, что «так называемая «объективная психология» породила мнение, что интроспективная должна отойти в прошлое, что ее должно заменить объективное, физиологическое изучение душевных явлений» [Челпанов, 43].

Задача статьи: «В настоящей статье я предполагаю показать, что психология есть бесспорно биологическая наука, и хотя она может примыкать к философии, однако, она должна быть признана совершенно самостоятельной наукой, - что она не есть ни философия, ни физиология» [Челпанов, 43].

Челпанов любезно напоминает нам, что в 1730 году немецкий философ Тюминг провел разделение психологии на *psychologia empirica*, которая изучает душевные «явления» (душевные переживания, данные в опыте), и *psychologia rationalis*, которая изучает свойства и природу души как трансцендентной сущности (признание трансцендентной духовной субстанции, бессмертия души и т.п.).

Эмпирическая психология не считает возможным выходить за пределы данного в опыте. Она является наукой позитивной.

«Основное возражение против интроспективной психологии заключается в том, что она изучает свойства какой-то души, отдельной от тела, или говорит о каких-то душевных явлениях, совершенно не зависящих от тела».

О Фейербахе: «По странной иронии судьбы этот современник Огюста Конта, материалист и безбожник, считал субъективный метод психологии единственно научным, при чем предупредительно отмечал, что субъективный метод не имеет никакого отношения к теологическим предрассудкам. И английские последователи Огюста Конта, среди которых были Джон Стюарт Милль, Герберт Спенсер, Льюис (оба последние - биологи), настаивали на необходимости интроспективного метода в психологии. Но так как они в то же время требовали изучения душевной жизни ребенка, животных, душевнобольных и т.п., каковое изучение можно назвать объективным изучением, то понятие субъективного метода в психологии получило очень расширенное объяснение. Под субъективным методом стали понимать не только наблюдения самого себя, но и наблюдения над чужой душевной жизнью, при чем содержание этого наблюдения становится понятным благодаря внутреннему опыту. В современной психологии, когда говорят о самонаблюдении в психологии, имеют в виду как раз именно это расширенное понятие самонаблюдения. Из этого можно видеть, до какой степени не правы психологи-объективисты, которые утверждают, что психолог-интроспективист – это такой психолог, который, сидя у письменного стола и наблюдая свои собственные переживания, выводит из них законы душевной жизни» [Челпанов, 53].

Далее Челпанов рассматривает то, какие биологические понятия вошли в состав психологии и произвели существенное изменение в основных психологических построениях.

- 1) возникла генетическая психология
- 2) установился взгляд, что при рассмотрении душевной жизни следует исходить от живущего целого, от организма, и именно психофизического организма, так как живое существо не может быть определено всецело ни в терминах тела, ни в терминах сознания.
- 3) психофизический организм приспособляется к окружающей среде. Характерным для него является спонтанность, т.е. способность определяться изнутри. Душевные процессы имеют значение для приспособления к окружающей среде.
- 4) жизненные процессы рассматриваются с четырех различных точек зрения (с морфологической, физиологической, праксиологической и психологической). В этом смысле психология, как наука об известной стороне жизни, есть такая же биологическая наука, как и физиология, которая рассматривает ту же жизнь, но только с другой стороны

«Психолог делается психологом не потому, что получил естественно-научное или медицинское образование, а потому что изучил содержание традиционной

психологии со смежными науками, каковыми являются логика, гносеология и вообще философские науки. Естествознание или медицина имеют для психологии вспомогательное значение» [Челпанов, с. 56].

На вопрос о том «кому и как разрабатывать психологию» Челпанов отвечает следующим образом: «Нельзя не согласиться, что знание физиологии и естественных наук в известном объеме необходимо для разработки психологии, но я решительно оспариваю ту мысль, что медик или натуралист тем самым, что он медик или натуралист, уже есть психолог» [Челпанов, с. 58].

Отвечая на вопрос: «Есть ли психология наука философская?» Челпанов полагает, что на этот вопрос нельзя ответить ни положительно, ни отрицательно без того, чтобы не вызвать недоразумений.

«Необходимо ли психологу изучение философии? По моему мнению, безусловно необходимо.... Психология базируется на каких-нибудь философских предпосылках; таковыми могут быть, например, психофизический параллелизм, различные типы материализма и т.п.. Одна психология получится в таком случае, если обосновать ее на психофизическом параллелизме, и совсем иная, когда она обосновывается на механическом материализме. Чтобы психолог умел отличать эти две диаметрально противоположные точки зрения, нужно быть философски образованным» [Челпанов, с. 58].

Выводы:

Несмотря на то, что прошло уже почти 100 лет с тех пор, как Георгий Иванович вопрошал «Психология или рефлексология?», поднятые им проблемы до сих пор являются актуальными. Так, об этом свидетельствуют работы известной исследовательницы в сфере истории психологии Елены Евгеньевны Соколовой (напр., «Чтобы быть психологом, нельзя не быть философом, или почему имеет смысл спорить о понятиях», 2016. Прения насчет категории «души» в психологии. Решение психофизической проблемы. Междисциплинарные связи психологии и ее статус как науки.

Осмысляя происходящее, невольно вспоминаешь о том, как греки представляли время. Не линейно, а подобно спирали, где Приам еще не единожды будет сидеть на развалинах Трои...